

Свойкина Людмила Федоровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: svoykina@bsu.edu.ru

Svoykina Lyudmila Fyodorovna

PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: svoykina@bsu.edu.ru

Фуникова Светлана Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: funikova.s@mail.ru

Funikova Svetlana Vasilevna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: funikova.s@mail.ru

Щербакова Наталья Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(Белгород, Россия)
E-mail: sherbakova@bsu.edu.ru

Shcherbakova Natalia Viktorovna

PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod National Research University
(Belgorod, Russia)
E-mail: sherbakova@bsu.edu.ru

**СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ
В ГОРОДСКОМ ТРАНСПОРТЕ**

**THE SPECIFICITY OF
COMMUNICATION IN PUBLIC
TRANSPORT**

Аннотация. В статье описывается микро-социум с точки зрения его типичных речевых характеристик, отражающих как общие процессы, происходящие в обществе, так и конкретные речевые формы, отличающиеся территориально, создающие определенное своеобразие речевого поведения в той или иной местности.

Abstract. The article describes micro-social medium from the perspective of its typical speech characteristics reflecting both the general processes the take place in society and the specific speech forms that differ geographically and create a certain peculiarity of verbal behavior in a particular locality.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникатив, городской транспорт, специфика разговорной речи, типичные ситуации, диалогическое общение, вежливость

Keywords: communication, communicative, urban transport, the specificity of spoken language, a typical situation, dialogic communication, courtesy

Введение

Исследование того микросоциума, в котором мы находимся, с точки зрения его типичных речевых характеристик представляется актуальным, поскольку отражает как общие процессы, происходящие в обществе, так и конкретные речевые формы, отличающиеся территориально, создающие определенное своеобразие речевого поведения в той или иной местности. Отсюда вытекает цель нашей статьи – установить

общие тенденции социальной коммуникации в сферах общественного транспорта г. Белгорода. Эта цель требует решения ряда частных задач:

1. Отбор и запись речевого материала.
2. Изучение литературы по проблемам социальной коммуникации.
3. Классификация собранного языкового материала, его анализ с социолингвистической точки зрения в аспекте того, какие тенденции – позитивные или негативные – преобладают, какие речевые стратегии и тактики реально используются в данной сфере коммуникации.

Объектом исследования в рецензируемой статье являются тексты, размещенные снаружи или внутри маршрутных такси и обращенные к пассажирам города Белгорода.

Материалом для статьи послужили записи русской разговорной речи в общественном транспорте г. Белгорода, так как они показали очень интересными авторам. В соответствии с задачами статьи нами было отобрано около 300 карточек, содержащих языковой материал, который отражает все уровни языка.

В процессе работы мы пользовались следующими методами исследования: описательный, метод контекстуального наблюдения и количественной оценки выявленных фактов, сравнение и сопоставление, приемы классификации, обобщения, дифференциации.

Нужно отметить, что, будучи неотъемлемой характеристикой живого непосредственного спонтанного диалогического общения, коммуникативы выражают одно из главных свойств человеческой психики – способность реагировать на различные внешние и внутренние элементы ситуации общения. Коммуникативы представляют собой ту область лингвистики, которая тесно связана с человеком, личностью, то есть исследование коммуникативов является антропоцентричным по своей сути. Разговорная речь неоднократно становилась предметом исследований лингвистов (Н.Д. Арутюнова, Р.М. Блакар, О.Я. Гойхман, Т.А. Гридина, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Л.С. Ковтун, В.Г. Костомаров, Н.И. Формановская, Е.Н. Ширяева и др.). В настоящей работе выявляются факторы, определяющие частоту употребления коммуникативов вообще и их отдельных форм и конструкций. Мы предлагаем широкую трактовку коммуникативов, включив в этот класс синтаксические единицы, фатические и информативные средства, выраженные с помощью релятивов и выполняющие функцию реакции.

Основная часть

Потребности выражения субъективного отношения к действительности и воздействия на психику (мысли, чувства, волю и поведение людей) посредством выражения эмоций, эмоциональной оценки, эстетической оценки, побуждения посредством придания особой выразительной силы (экспрессии) языковым средствам, а также потребность установления контакта порождают разновидности прагматической функции: эмоциональную, эмоционально-оценочную, эстетическую, побудительную, экспрессивную и контактоустанавливающую (фатическую), которые направлены на регуляцию поведения человека.

Побудительная функция предназначена для побуждения адресата с помощью языковых средств к тому или иному действию или поведению. Суть эмоциональной

функции заключается в оказании воздействия на поведение адресата с помощью языковых средств для выражения эмоций, чувств и т.п.

Под экспрессивной функцией понимается предназначенность языковых средств для воздействия на психику и поведение адресата посредством таких выразительно-изобразительных качеств, как образность, интенсивность (обозначаемого признака, действия), новизна («свежесть») и др.

Эстетическая функция обозначает предназначенность языка для удовлетворения потребностей эстетического мышления, отражения его результатов – эстетических оценок – воздействие на эстетические оценочные установки (эстетическое чувство) адресата и посредством этого – на его поведение.

Под термином контактная (контактоустанавливающая, фатическая) функция предлагается понимать предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально-массового и индивидуального контакта, в известной мере определяющего поведение адресата. Вслед за Л.А. Киселевой мы трактуем понятие «контакт» как установление, сохранение или укрепление, поддержание связей и отношений индивидуальных или социально-массовых (в малых и больших социальных группах), многообразных, но сводимых в некоторые типы отношений, среди которых наиболее отчетливо выделяются такие полярные разновидности, как: 1) установление, сохранение и укрепление дружеских отношений; 2) установление и поддержание официально-вежливых отношений [5].

Мы считаем, что любой речевой акт непосредственно или опосредованно как по времени, так и по масштабу нацелен на достижение какого-либо результата. Известно, что помимо устных форм вербальных сигналов речи можно выделить и многочисленные письменные способы общения между людьми (надписи, таблички, объявления, шуточные заявления и рекомендации, а иногда и прямое руководство к действию, которые включаются в сферу социальной коммуникации, в том числе и городской). Мы вслед за М.В. Китайгородской будем называть их малыми жанрами современного городского фольклора.

Рассмотрим подробнее одну из самых ярких сфер функционирования письменных регулятивных текстов, представленных в сфере городского транспорта, где мы находим широкий спектр различных способов общения с пассажирами посредством небольших табличек, объявлений, замечаний, советов, указаний и т.п.

Отметим, что социальное общение всегда предполагает ту или иную ролевую отнесенность, речевое поведение, напрямую связанное с ролевым поведением. Здесь важно учитывать, прежде всего, постоянные признаки: пол, возраст, место жительства, степень образованности, профессию, положение на работе и в семье [14]. К ним добавляются те, которые в социологии называют переменными, ситуативными ролями. Их мы также исполняем каждодневно: пешеход, пассажир, покупатель, водитель.

Частный городской транспорт (маршрутные такси) выполняет для водителя определенные социальные функции: это и место работы, и «дом на колесах». Поэтому каждый стремится сделать свое рабочее место максимально комфортным, даже уютным. Абсолютное большинство маршрутных такси в нашем городе имеют почти все атрибуты «настоящего жилища»: сиденья обтянуты мягким кожмитом, на окнах шторы (самых разнообразных тканей и расцветок, иногда с рюшами или бахромой).

Маленький «салон» водителя часто украшен искусственными цветами или гирляндами, календарями, значками, вымпелами и мягкими игрушками. Часто звучит музыка, именно та, которая нравится водителю. Наконец, следуя традиции, водитель укрепляет на панели управления небольшую икону, иногда не одну – создает своеобразный «красный угол». Итак, водитель – «хозяин дома на колесах». И он оказывает нам услугу: за деньги предоставляет возможность воспользоваться его личным пространством. При этом пассажиры оказываются в неравном с водителем положении. Полноценный диалог не предполагается, так как нарушается паритет его участников и уважение к каждому из них. В связи с этим усложняется социальная роль водителя: он не просто человек, выполняющий определенную функцию, он имеет право диктовать свои условия. Именно водитель предлагает правила поведения, иногда непосредственно, устно, а иногда – опосредованно, с помощью расклеенных по салону указаний и комментариев.

Выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, предполагает тот или иной иллюкутивный эффект, воздействует на получателя. Даже если отправитель старается «выражаться объективно», видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Эта присущая языку и пользующемуся языком человеку способность к структурированию и воздействию и есть как раз то, что мы имеем в виду, опираясь на положение, что «язык есть инструмент социальной власти». Мы намеренно воспользовались понятием власти, чтобы подчеркнуть тот аспект коммуникации и использования языка, который часто оставляют без внимания [12].

На примерах письменных текстов мы рассмотрим способы осуществления вербального воздействия на получателя информации (пассажир маршрутного такси).

Языковой материал мы разделим на несколько групп: прескриптивные тексты (объявления, указания); тексты, направленные на установление контакта, на игру, балагурство, и тексты-комментарии или несущие прагматическую информацию.

Общее значение побуждения объединяет самые различные речевые акты, такие как приказ, совет, разрешение, просьба и т.д. Для некоторых разновидностей побуждения в языке может быть выбран свой, особый, «стандартный» способ выражения [13].

Проиллюстрируем примерами. Часто расположение объявлений имеет неслучайный характер. На двери снаружи: *Всегда есть свободные места*. Та же мысль может выражаться по-другому: *Стоячих мест немеряно!!!* (орфография оригинала сохранена) – этот вариант отличается стилиевой окрашенностью. Если в первом случае сообщение стилистически нейтрально, то во втором примере явно эксплуатируется стилистически сниженная, близкая к просторечию лексика (*стоячие места, немеряно!!!*).

Большинство надписей в совокупности представляют собой свод правил, своеобразный кодекс поведения, прежде всего, пассажиров. Можно выделить группу объявлений, носящих инструктивный характер и выполняющих побудительную прагматическую функцию. Например: *Уважаемые пассажиры!!! Убедительная просьба:*

- мороженое и конфеты есть с оберткой
- фрукты есть вместе со шкуркой и огрызками
- пиво и водку пить вместе с бутылкой

Заранее благодарим (пунктуация оригинала сохранена).

Следует отметить, что вежливое обращение *Уважаемые пассажиры* встречается крайне редко. Единственный случай употребления данной формулы нам встретился в приведенном контексте. Разговорная лексика в этом примере создает комический эффект и показывает пренебрежительное отношение к адресату. В тексте прослеживается явный императив, выраженный формой инфинитива, а это самая категоричная форма повелительного наклонения – приказ.

Мы обратили внимание, что часто за внешним проявлением юмора и доброжелательности скрывается грубость и даже агрессия. Небольшая дистанция между водителем и пассажирами проявляется наиболее часто в форме глагола повелительного наклонения не множественного, а единственного числа, ощущение некоторой грубости и фамильярности несколько стирается за счет установки на шутку: *За спасибо – спасибо. А за проезд – плати; Тише скажешь – дальше проедешь*. Второй пример формально напоминает пословицу, возможно, подобные высказывания претендуют на статус «крылатых выражений».

Встречаются примеры со стилистически нейтральной лексикой, но, тем не менее, содержащие оттенки угрозы: *Во избежание тяжелых травм крепко держитесь за поручни, а главное, своевременно оплачивайте проезд*. Клише официально-делового стиля *во избежание* придает объявлению облик вежливого предупреждения, но за этим внешне нейтральным посланием явно просматривается угроза. В некоторых примерах довольно трудно отыскать шутливые или просто вежливые мотивы и установку на доброжелательность: *Денег нет – иди пешком* – звучит достаточно грубо. А в следующих примерах явно чувствуется скрытая угроза: *Не обижай водителя!* (а не то...); *Не говори мне, как ехать, а я не скажу, куда тебе идти*. Последнее объявление-совет – яркий пример эвфемизации, то есть смягчение выражения, замена того, что кажется говорящему грубым или неприличным. Эвфемизированная фраза скрывает грубое просторечие: «...не скажу куда тебе идти» – «не пошлю». Формально нейтральное высказывание содержит откровенно оскорбительный смысл.

Также обращает на себя внимание одна из самых суровых инструкций, содержащих категорический приказ, звучащий следующим образом: *Говорить – тихо, просить – скромно, платить – четко, выходить – быстро*. В этой ситуации водитель присваивает право приказывать. Синтаксический параллелизм усиливает экспрессивность высказывания. Все предложения построены однотипно – инфинитивные, выражающие категоричность. В них отсутствует обозначение лиц, которым адресуется приказ, так что побуждение в них сближается с категорическим долженствованием.

Во всех перечисленных примерах наблюдаются «ты»-обращения и императивные формы глагола в единственном числе. Очевидно, что водитель старается сократить необходимую социальную дистанцию.

Все приведенные нами примеры ярко иллюстрируют некооперативные речевые стратегии. Организатор коммуникации (водитель) нарушает правила речевого общения: доброжелательности, вежливости, сотрудничества, тексты объявлений выражают насмешку, проявления агрессии (скрытой и явной), злобы. В соответствии со стратегиями выбираются речевые тактики. Например, тактика контраста: *Не говори мне, как ехать, а я не скажу, куда тебе идти; Быстро поедешь – медленно понесут*;

апелляция к авторитету: *Думай – не думай, сиди – не сиди, будь хоть ПУТИН – проезд оплаты!*; отказ в услуге: *Без денег не входить!* Прескриптивные тексты, отражающие категорическую модальность, призваны направлять поведение адресата-пассажира. За официальным посланием кроется жестокая прагматическая установка на определенную модель поведения.

Можно выделить следующую группу примеров, которые относятся к текстам шутливого, игрового характера, цель которых – балагурство, установление неформального контакта с пассажирами. Подобные тексты выполняют эмоциональную и контактоустанавливающую прагматическую функцию. Например: *А зовут меня Славик!* Иногда встречаются примеры, представляющие водителя как человека, который просто вынужден брать деньги за услуги, но оплата минимальна, что подчеркивается использованием диминутива: *Проезд всего 15 рубликов.*

Еще один пример, в котором водитель открыто просит прощения: *Извини, браток, такая работа!* Но это звучит фамильярно из-за стилистики сниженного слова «браток», относящегося к обиходно-бытовому просторечию, и «ты»-обращению.

Встречаются и объявления, претендующие на остроумие: *Друзья, знакомые и родственники обслуживаются по двойному тарифу и в последнюю очередь.* В этом тексте большинство лексем стилистически нейтральны. Профессионализм «тариф» придает сообщению официальность, как и страдательный залог глагола.

Водитель считает себя вправе делиться с пассажирами и своим жизненным опытом, советовать: *Тише едешь – больше снимешь.* Формально это пословица: одноставное обобщенно-личное предложение. Но привлекательность «народной мудрости» снижается грубо – просторечным *снимешь*.

Приведенные примеры могут служить характеристикой неуклюжей кооперативной речевой стратегии. Содержание таких объявлений более доброжелательное, очевидно желание общения. Замечается открытое обращение к адресату, хотя довольно фамильярное (*браток*).

И последняя группа примеров, иллюстрирующих тексты, которые содержат информацию, комментарии или совет. Эта группа выполняет контактоустанавливающую, а также экспрессивную прагматическую функцию.

Приведем несколько примеров. В ряде случаев водитель шутливо информирует пассажиров: *Огнетушитель, аптечка, руль и педали находятся у водителя или: Дверью не тряс, не гроши! Яблоко не упадет!; Остановок «тута» и «здесь» на маршруте нет* (очевидно, передразнивая некоторых не совсем грамотных представителей городского населения); использует «черный юмор»: *Аттракцион «Маршрутное такси». 20 минут страха – и вы уже дома.* Это сообщение выглядит, как приглашение развлечься. А вот более открытое предупреждение об опасности: *Держитесь за поручни, дорога непредсказуема.* В этом примере просматривается забота водителя о своих пассажирах.

Предлагая свою философию, водитель призывает разделить ее с ним: *Когда на меня находит желание работать, я принимаю эту позу, молча сижу и жду, когда пройдет эта напасть* (под изображением обезьяны в позе лотоса). Просторечное *напасть* стирает границы и сокращает социальную дистанцию. Надпись на заднем стекле автомобиля гласит: *Этот зад дорого стоит.* Водитель предупреждает: в случае дорожно-транспортного происшествия расплата будет суровой. Лексема *зад*,

относящаяся к грубо-просторечным, придает агрессивный характер всему сообщению. Иногда встречаются такого рода примеры: рядом с номерным знаком табличка с именем *Леха* (а также *Колян*, *Димон*). Можно понять, когда мужчину так называют в достаточно узком кругу семьи или друзей, но социально неприемлемо, когда взрослый человек именно таким образом, в такой форме представляет себя окружающим. Нельзя не вспомнить также и о своеобразии обращений друг к другу в криминальной среде (*Вован* и т.п.).

Все эти просторечные, иногда грубые формы позволяют провести параллель с результатами исследования речевого поведения подростков. В силу того, что эта социальная группа находится в процессе психического и культурного становления, она обладает определенной субкультурой.

Механизмы воздействия малых жанров современного фольклора во многом соответствуют той характеристике, которую В.П. Белянин дает подростковой субкультуре: «Говоря о подростковом подязыке, следует отметить, что он достаточно просторочен в среде взрослых. Если это не прием языковой игры, то, на наш взгляд, это – неразвитость сознания, определенная задержка в социальном развитии индивида. Иными словами, даже если это индикатор молодости, то одновременно это и индикатор неразвитости. Кроме того, это показатель общего невысокого состояния речевой культуры в обществе» [2].

Итак, можно сделать вывод, что водители городского транспорта, в частности, маршрутных такси и личных автомобилей, посредством наклеек, содержащих агрессивные, иногда оскорбительные заявления, советы или указания в приказном тоне, диктуют пассажирам не только определенный характер действий, но и настраивают на определенный эмоциональный психический лад. За шутливыми объявлениями проглядывает агрессия, неоправданная фамильярность и полное отсутствие уважения.

Мы приходим к выводу, что в речевом поведении коммуникантов в ситуации пользования общественным транспортом функционируют преимущественно некооперативные стратегии и соответствующие тактики. Довольно часто нарушается паритетность общения, что проявляется в доминировании одного из участников акта коммуникации над другими (в данном случае водителя над пассажирами маршрутного такси).

Собранный нами материал можно отнести к фразеологической сфере, однако в ряде случаев его трудно охарактеризовать более конкретно, чем острословие. Под остротой мы в данном случае понимаем выражение, претендующее на статус фразеологизма, но еще не получившее его или же находящееся на этапе фразеологизации («расхожие остроты») [9]. Вместе с тем остротой может быть и не выражение, а отдельное слово. В этом случае мы имеем дело с попыткой создания не фразеологической, а лексической единицы (часто семантическим способом). Попытки такого рода могут быть удачными или неудачными, закрепляться или угасать на стадии окказиональности, но в любом случае это одно из ярких проявлений жизни языка и неотъемлемое качество его разговорной разновидности.

В процессе изучения языкового материала мы убедились в том, что и для этой сферы функционирования языка характерно наличие компонентов, отражающих негативный настрой участников коммуникации по отношению друг к другу. Приведем

несколько примеров. Распространенный в разговорной речи г. Белгорода фразеологизм *плевать с высокой колокольни* (проявление высшей степени равнодушия) имеет аналог в разговорной речи г. Барнаула: *Плевал я на тебя с шестого этажа – нет, лучше с третьего: плевков лучше долетит*. Нейтральная лексика этих выражений не снимает негативного впечатления от смысла, который вкладывается в эти слова.

В значении *похмельный синдром, жажда после выпивки накануне* у омичей зафиксирована фразеологическая единица *сушняк долбит*. В Белгороде ей соответствует вариант *сушняк давит, трубы горят*. В обоих случаях присутствует просторечный элемент *сушняк*.

Рассмотрим несколько примеров, которые вряд ли можно отнести к фразеологизированным шутливым отзывам на те или иные расхожие бытовые фразы: *Кто там? – Сто грамм!* (этот пример зафиксирован в Барнауле и Омске).

Одним из самых распространенных жанров в данной сфере является шутливая угроза. Например, шутка, имеющая в основе своеобразную метатезу частей слов, словообразовательную игру: *Щас как режиском заножу!* Шутка, основанная на гиперболлизации силы пальцев угрожающего: *Два удара – восемь дырок!* (зафиксировано в северных городах). В Белгороде следующий вариант: *Не бойся ложки, бойся вилки: один удар – четыре дырки!*

Выводы

Итак, мы выявили, что в маршрутных такси Белгорода представлены самые разнообразные шуточные угрозы. Было приведено множество примеров, поэтому, не повторяя их, сделаем следующий вывод: шутливая угроза – один из самых устойчивых малых жанров социальной коммуникации. Очевидно, что общеупотребительным становится языковой материал, наполненный просторечной и грубопросторечной лексикой, ориентированной на отрицательное эмоциональное воздействие на адресата. Отмечается функционирование в разговорной речи откровенно грубых остроловций.

Попытку носителей языка разнообразить свою речь различными остротами, фразеологизмами можно связать с понятием языковой игры, которая проявляется в установке на шутку, на игру слов, вне зависимости от смысла, который в них вкладывается.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. №1. С. 50–52.
2. Белянин В.П. Фразеология подростков как языковая субкультура // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 114–117.
3. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 90–108.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
5. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: ЛГУ, 1978. 160 с.
6. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. 1994. №2–3. С. 50–53.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

8. Ковтун Л.С. Из истории русской разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970. С. 15.
9. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. 268 с.
10. Осипов Б.И., Егорова Т.И. Фразеологизмы и остроты в разговорной речи сибирских говоров (на материале Барнаула, Горно-Алтайска и Омска) // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 89–93.
11. Розанова Н.Н. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
13. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 396 с.
14. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. 280 с.
15. Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

References

1. Arutyunova N.D. Dialogicheskaya citatsiya (k probleme chuzhoi rechi) [Dialogical citation of someone else's speech]. *Voprosy iazykoznanii* [Issues of linguistics], 1986, no. 1, pp. 50–52.
2. Belyanin V.P. Fraseologiya podrostkov kak iazykovaia subkul'tura [Phraseology of adolescents as a linguistic subculture]. *Fraseologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the culture context]. Moscow: Languages of Russian culture, 1999, pp. 114–117.
3. Blakar R.M. Iazyk kak instrument social'noi vlasti [Language as an instrument of social power]. *Iazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodeistviia* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, 1987, pp. 90–108.
4. Gridina T.A. Iazykovaia igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg, 1996.
5. Kiseleva L.A. *Voprosy teorii rechevogo vozdeistviia* [Questions of speech influence theory]. Leningrad, 1978. 160 p.
6. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. Rechevye odezhdy Moskvi [Speech clothes of Moscow]. *Russkaya rech* [Russian speech], 1994, no. 2–3, pp. 50–53.
7. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. *Iazykovoie sushestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale jazyka Moscvy* [Language existence of a modern city-dweller: on the data of Moscow's language]. Moscow, 2010. 496 p.
8. Kovtun L.S. Iz istorii russkoi razgovornoj rechi [From the history of Russian spoken language]. *Russkaya razgovornaya rech* [Russian speaking]. Saratov, 1970, p. 15.
9. Kostomarov V.G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose* [Russian language on the newspaper page]. Moscow, 1971. 268 p.
10. Osipov B.I., Egorova T.I. Fraseologizmy i ostrye v razgovornoj rechi sibirskih govorov (na materiale Barnaula, Gorno-Altaysk i Omsk) [Idioms and witticisms in speaking of the Siberian dialects (on the data of Barnaul, Gorno-Altaysk and Omsk)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 1999, no. 4, pp. 89–93.
11. Rozanova N.N. *Russkaya razgovornaya rech: Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian spoken language: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, 1983.
12. Formanovskaya N.I. *Rechevoie vzaimodeistviie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007. 480 p.
13. Formanovskaya N.I. *Rechevoie obshcheniie: kommunikativno-pragmaticheskii podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow: Russian language, 2002. 396 p.

14. *Chelovecheskii factor v iazyke: kommunikaciia, modal'nost', deiksis* [The human factor in language: Communication, modality, deixis]. Moscow, 1992. 280 p.

15. Shiryayev E.N. *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniia* [Culture of Russian speech and efficiency of communication]. Moscow, 1996. 457 p.

Для цитирования: Свойкина Л.Ф., Фуникова С.В., Щербакова Н.В. Специфика коммуникации в городском транспорте // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 107–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-12

For citation: Svoikina L.F., Funikova S.V., Shcherbakova N.V. The specificity of communication in public transport. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 107–116. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-12